

Глава 23. Тщеславный муж-супруга властного президента

В отличие от четвертого этажа, где полы были выложены деревом, пятый этаж встречал холодной гладью мрамора.

Умное инвалидное кресло, разработанное одной из дочерних компаний корпорации «Мин», обладало функцией бесшумной блокировки — одним нажатием кнопки колеса замерли, исключая малейшее скольжение.

Лин Чжи оказался зажат между дверью и Мин Яо. Его спина чувствовала ледяную поверхность дверного полотна, в то время как крепкие руки мужчины приподняли его, заставляя бедра едва касаться коленей сидящего в кресле мужа.

— Мин Яо!

Даже самый расчетливый хищник порой может быть застигнут врасплох. Лин Чжи привык плести свои интриги в тишине закрытых комнат, в абсолютно безопасных и уединенных пространствах, а не здесь — посреди открытого коридора.

И пусть это был пятый этаж, куда слуги не смели подниматься без зова, само осознание открытого пространства будоражило нервы. Звукоизоляция защищала комнаты, но не вертикальное пространство лестничных пролетов.

Лин Чжи охватило беспокойство, но в то же время, будучи запертым в объятиях Мин Яо, он ощутил странное, почти парадоксальное чувство защищенности.

— Не бойся.

Мин Яо мягко отвел в сторону мягкую челку, спадавшую на лоб юноши, и, прижавшись своим лбом к его, заглянул ему в глаза.

У Мин Яо был изысканный разрез глаз «феникс», который обычно придавал его лицу выражение ледяной строгости. Но сейчас в этих глазах, прежде напоминавших застывшие ледники, бушевали волны. В них читалось спокойное, властное желание поглотить целиком, заставляя Лин Чжи чувствовать себя так, словно он оказался посреди глубокого синего океана — вокруг ни ветра, ни шторма, лишь неумолимая тяга в бездну, от которой замирает сердце.

Их дыхание переплелось, создавая вокруг них крошечный мир, отрезанный от всей остальной реальности.

Сначала Лин Чжи подумал, что Мин Яо просит его не беспокоиться о том, что их могут заметить, но быстро понял: дело совсем в другом. Скрытые ласки находили лазейки в одежде, то и дело касаясь самых чувствительных мест.

Он обхватил шею мужчины, невольно зажмурившись.

Между взрослыми людьми порой вспыхивает рассудочное безумие — состояние, отличное от слепой страсти. В такие моменты все чувства обостряются до предела. Социальные нормы и врожденное чувство стыда никуда не исчезают, но именно благодаря им происходящее погружается в пучину безмолвного, но абсолютного одиночества.

Юноша прекрасно понимал, что всё это можно прекратить. Это не входило в его первоначальный план.

«Но какая теперь разница? — подумал он. — Действительно, какая разница».

Лин Чжи прикусил плечо Мин Яо. Мышцы мужчины были твердыми, и зубы оставили на них лишь бледный след.

— Лин Чжи, — голос Мин Яо звучал хрипло, — можно тебя поцеловать?

В этом человеке всегда жила какая-то упрямая серьезность. Под коркой льда он прятал неукротимое пламя.

В итоге Лин Чжи остался ночевать в комнате мужа. Мин Яо сам заботливо обтер его ноги горячим полотенцем и тщательно нанес мазь на растертую кожу — даже там, где юноша уже успел смазать сам.

На следующее утро Лин Чжи не пошел на работу: Мин Яо лично распорядился о его отгуле. Планшет мужа теперь был в его руках. Юноша лениво пролистывал галерею, где хранились эскизы эксклюзивных украшений, фотографии готовых изделий и россыпи редчайших бриллиантов.

Сказать по правде, все эти побрякушки не вызывали у него особого трепета. Куда больше блеска камней ему льстило само отношение Мин Яо — его непоколебимая уверенность в том, что его супруга достойны лишь лучшие в мире алмазы и уникальная работа мастеров.

«Хост! Объект миссии отправился в специализированный реабилитационный центр!» — 01 в голове Лин Чжи радостно затараторил. — «Кажется, до завершения задания рукой подать! Ты просто невероятный! Он наконец-то развязал свой узел в сердце ради тебя!»

Лин Чжи мысленно покачал головой:

«Его узел в сердце еще не развязался до конца. И делает он это не только ради меня, но и ради

самого себя».

«А разве это не одно и то же?» — не поняла Система.

— Как это может быть одинаковым?

Лин Чжи отложил планшет и поудобнее устроился в постели. Одеяло всё еще хранило тонкий аромат Мин Яо — юноша не мог подобрать слов, чтобы описать этот запах, но он не вызывал отторжения. Напротив, в нем было нечто приятное.

«Он просто ждал подходящего момента».

С точки зрения Лин Чжи, Мин Яо все эти годы пытался спастись сам, просто это спасение было скрытым и полным мучительной борьбы. Мужчина не ненавидел свои ноги и не испытывал к ним брезгливости. Он не был болезненно чувствителен к своей травме — он принял её, почти смирился, словно научился сосуществовать с увечьем. Сопоставив все факты, юноша пришел к выводу, что для Мин Яо эта неподвижность стала неким символом.

Возможно, это была психологическая травма юности, которую он не смог перерасти, и со временем она просто стала частью его привычного мира.

Лин Чжи листал альбом, который ему дал Старейшина Мин. Раньше у Мин Яо была счастливая семья: строгий, но справедливый дед, обожающие его бабушка и мать, заботливый отец. Когда этот мир рухнул, мальчик просто не смог оправиться от удара.

Он метался между мыслями «это моя вина» и «я здесь ни при чем», не в силах полностью принять ни одну из них. В результате возник странный внутренний паритет, который и удерживал его в кресле.

«То есть, ты хочешь сказать, что он решил вернуться к нормальной жизни не потому, что любит тебя?» — 01 окончательно запутался.

Система отказывалась в это верить. Если это не любовь, то почему вчера они так долго «общались» за цензурными пикселями? Программа даже успела показать Системе мультик, потому что заставка длилась больше десяти минут.

«01, ты — Система Искупления, и должен понимать суть спасения лучше меня».

«Каждый, кого можно спасти, — это потенциальный самоспасатель».

А грязь всегда останется грязью.

«Точно-точно! Хост, ты такой умный!» — 01 согласно закивал. — «Это же первое правило в Руководстве Системы!»

Лин Чжи слегка удивился. Похоже, взгляды создателя этой Системы во многом совпадали с его собственными. На мгновение он даже задумался, нет ли у него какой-то связи с этим таинственным конструктором, но тут же отбросил эту мысль как нелепую. Будь он создателем, он бы никогда не сделал Систему такой наивной.

Однако, чтобы выудить больше информации, он подыграл:

«Похоже, твой создатель мыслит так же, как и я. Что он за человек?»

Из какого измерения этот мир? Каков уровень их технологий, если они способны создавать такое? И зачем создателю всё это нужно? Какую выгоду он извлекает?

«У меня нет воспоминаний о нем, — честно ответил голос в голове. — Я знаю только свою миссию».

Голос Системы внезапно стал торжественным и воодушевленным:

«Моя цель — спасти объекты миссии любовью! Дарить им тепло! Чтобы в их сердцах снова расцвела надежда на будущее!»

Лин Чжи, ощутив мощный прилив энтузиазма от 01, на мгновение замолчал.

«Значит, нам придется задержаться здесь надолго. Ведь чтобы у него появилась надежда, нельзя просто уйти, как только он встанет на ноги. Как мы обычно покидаем миры? Стираем память о себе или умираем? Если умираем, разве это не станет для него новым ударом?»

Лин Чжи спрашивал об этом уже второй раз, и ответ 01 был прежним:

«Хост узнает об этом, когда миссия будет выполнена!»

Судя по уровню развития 01, он вряд ли умел хитрить. Скорее всего, он и впрямь не знал — просто машина, строго следующая программе. По сути, так оно и было.

После полудня Лин Чжи отправился к Старейшине Мину. Глава семьи сегодня облачился в праздничный пурпурный костюм в традиционном стиле и выглядел на редкость бодрым.

— Чжи-Чжи! Заходи, присаживайся.

Старик с улыбкой поманил его к себе. Казалось, болезнь последних дней окончательно отступила; он выглядел даже лучше, чем при их первой встрече.

— Я как раз собирался позвать вас на ужин. Видимо, у нас с тобой какая-то особая связь — я еще не успел набрать номер, а ты уже здесь.

Лин Чжи присел рядом:

— Дедушка, что за радостное событие произошло? Вы просто сияете.

У него были свои догадки на этот счет, но он не спешил их озвучивать.

— Ты разве не знаешь?

Старейшина на мгновение замаялся, не решаясь выдать секрет внука. В молодости он начинал с фармацевтики и именно на этом заложил фундамент нынешней корпорации «Мин».

Когда с Мин Яо случилось несчастье, старик задействовал лучшие медицинские ресурсы и самые передовые технологии, но так и не смог поставить внука на ноги. И без врачей он понимал: причина кроется в голове Мин Яо. И виной тому был его собственный сын.

Все эти годы он и его покойная супруга пытались переубедить внука, но тщетно. Мин Яо слушал, но не слышал, а со временем и вовсе запретил поднимать эту тему.

В год смерти бабушки вернулся их непутевый сын. Он выглядел изможденным и опустившимся — и не от нужды, а от того, что намеренно истязал себя. Отец надеялся, что годы странствий утихомирили его боль, но стало только хуже. Во время траура он не сказал сыну ни слова, держась как чужой человек. А перед уходом бросил лишь одну фразу — ядовитую и болезненную, от которой главе семьи захотелось огреть его тростью.

— Речь о реабилитации Мин Яо? — мягко спросил Лин Чжи.

Старейшина радостно закивал:

— Да! Этот мальчик вдруг одумался. Не знаю, что на него нашло, но это просто чудо.

Мин Яо не сообщал ему лично — новость принес старый преданный подчиненный. Видимо, Мин Яо не просил держать это в тайне, вот тот и поспешил обрадовать старика.

Дед всё больше убеждался, что дело в удаче, которую принес в дом Лин Чжи. По крайней мере, после их свадьбы дела внука явно пошли в гору. Теперь он мечтал лишь о том, чтобы их отношения крепли. Если рядом с Мин Яо будет кто-то, кто сможет согреть его душу, он обязательно поправится.

«Эх, если бы парни тоже могли рожать... Если бы Чжи-Чжи подарил мне правнука или правнучку, я бы от счастья до смерти смеялся», — пронеслось в голове у старика.

Впрочем, он понимал, что это невозможно. Что ж, усыновление тоже вариант.

Лин Чжи и не подозревал, какие невероятные мысли роятся в голове деда. Он не стал упоминать, что заходил в спальню мужа в его день рождения, а лишь поддержал разговор:

— Это замечательная новость. Но зная его характер, он вряд ли придет к вам, пока не добьется первых ощутимых успехов.

— Это верно. Он с детства такой упрямый. Оставайся сегодня на ужин, я попрошу Старину Цзиня приготовить что-нибудь особенное. А пока до еды далеко, съезди со мной в одно место.

Лин Чжи с готовностью согласился — собственно, за этим он и пришел. Привязанность строится не только на общении тет-а-тет, но и на связях с общим окружением.

Тем временем в поместье Мин.

Гуань И чувствовал себя разочарованным: он надеялся увидеть Лин Чжи, но слуги сообщили, что тот уехал по делам.

Делать было нечего. Гуань И не стал писать сообщения с расспросами, а сосредоточился на тренировке Но-Но, отрабатывая навыки хождения рядом и выдержку. Несмотря на свой живой нрав, собака была очень послушной.

В офисе корпорации сотрудники секретариата с немым изумлением наблюдали, как босс приехал на работу вопиюще поздно, пробыл недолго и уехал точно по расписанию. Это вызывало у всех чувство какой-то странной неловкости.

Они не выдержали и спросили у Старшего специального помощника Гао:

— Да что происходит-то?

Гао лишь покачал головой, давая понять, что сам не в курсе. Про себя же он подумал: «Я же лично оформлял отгул для господина Лина. Неужели коллеги настолько недогадливы?»

Вернувшись домой, Мин Яо не застал Лин Чжи, зато столкнулся с кинологом, который как раз вел собаку с прогулки.

Гуань И всегда казалось, что этот человек настроен к нему враждебно, и от его тяжелого взгляда становилось неуютно. Он уже собирался вежливо поздороваться и уйти, когда к воротам подъехала еще одна машина — вернулся Лин Чжи.

Лицо Гуань И расплылось в улыбке, он приветственно помахал рукой и снова завел старую песню:

— Насчет двадцать седьмого числа... Если будешь свободен, я могу заехать за тобой, куда скажешь.

— У него не будет времени.

Прежде чем Лин Чжи успел открыть рот, раздался холодный голос. Мин Яо ледяным взглядом смерил Гуань И и отчеканил:

— В этот день мы идем выбирать кольца.

<http://bllate.org/book/15821/1428806>